

Международная Ассоциация Кавказских Региональных Исследований

Право Политика Экономика Социология Современная история Международные отношения

Кавказские Региональные Исследования издаются на русском и английском языках. Печатное издание распространяется в Азербайджане, Армении, Грузии, России, Западной Европе и США. Электронную версию можно получить через систему ИНТЕРНЕТ по следующему адресу:
<<http://www.vub.ac.be/POLI/>>.

ISSN 10278540

Том 3, No 1, 1997

**О ДИЛЕММАХ САМОСОЗНАНИЯ В
ПОСТСОВЕТСКОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ**

Ферейдон Сафизаде*

Такие антропологи как Малиновский, Эванс-Притчард, Гиртз, а также Сидней Минтз в своем недавнем обращении к Американской Антропологической Ассоциации, напоминают, что антропологи должны придерживаться наилучшего - описания, частого описания и этнографии. Обращая внимание на этот совет, данная статья представляет собой этнографическое исследование того, как простой народ Азербайджана относится к своему формирующемуся самосознанию после крушения Советского Союза.

Прогуливаясь по Баку вдоль Каспийского моря, по пахнущему нефтью прибрежному бульвару, я спросил двух недавно защитившихся докторов наук о ключевых элементах азербайджанского самосознания. Инженер по нефтяному менеджменту ответил: “Как можно говорить о самосознании народа, алфавит которого за последние семьдесят пять лет менялся четыре раза?”

События на Южном Кавказе - Декларация о независимости Нагорного Карабаха, конфликт между Азербайджаном и Арменией, и нападение на Баку советских войск в январе 1990 года, оказались решающими для крушения горбачевской открытости, гласности, экономической реструктуризации и перестройки, способствуя демонтажу Советского Союза. С распадом СССР, проект государственности союзными республиками был достигнут легко, так как они не были вовлечены в длительную борьбу и войну за независимость, наподобие того, что пришлось делать чеченцам. С принятием 30 августа 1991 года декларации “О восстановлении Азербайджанской Республики” и проведением референдума в декабре 1991 года об одобрении формирования независимой демократической республики, народ Азербайджана открыто поддержал свою независимость от Москвы и начал процесс переопределения своего политического и культурного самосознания.

В 1994 году я прибыл в Баку по приглашению Хазарского университета - частного университета, открытого после независимости с помощью гранта Информационной

Службы Соединенных Штатов и партнерства с UCLA, с Высшей Школой по Образованию. Я также хотел навестить давно потерянных родственников моего отца. Я собирался приехать в Баку и раньше, но имиджи и атмосфера железного занавеса не позволяли мне сделать первого шага.

В 1903-1905 годах, когда разразился конфликт между мусульманами и армянами, мой дед, его брат и их семьи переехали в Иран, чтобы избежать ужасов конфликта. Мой дед остался, но его брат вернулся и позже погиб в сталинском ГУЛаге. Я хотел поговорить с его дочерью и с другими родственниками. Я интересовался рассказами и историей семьи. С первого же дня я имел необычный доступ к людям разного возраста и социального положения, так же как и в их дома. В условиях обычной полевой работы развитие таких близких отношений, в которых я оказался, потребовало бы много времени. Исходя из этой полевой работы, моей целью является исследование некоторых важных элементов и дилемм азербайджанского сознания в постсоветский период.

Важно отметить, что существует ряд историй и рассказов, которые повествуются одновременно народом и семьями в Азербайджане. Каждая из этих историй излагается с точки зрения собственной правоты. В этом веке первой в Закавказье была история о таком межобщинном конфликте, который не имел места ранее;(1) второй - то, что произошло с людьми и семьями с приходом Октябрьской революции и коммунистическим переворотом; третьей - то, что привело к появлению коммунизма, и, в частности, Сталина и других коммунистических боссов, особенно таких местных партийных боссов, как Мир Джафар Багиров (1933-53);(2) и наконец той, которая имеет место со времени распада СССР и независимости. С открытием Советского Союза, до того как стали излагаться семейные истории и рассказы последних 70-80 лет, новые тяжелые условия были навязаны народам и культурам Кавказа и СССР, а более ранние истории стали игнорироваться точно так же, как и многие высокопрофессиональные и образованные люди, обреченные на раннюю отставку и забвение.

Находясь в Азербайджане, я часто говорил себе, что мне надо прочувствовать и ощутить то, как люди говорят с окружающим миром, как, например, мои старшие родственники, или же ученый и астроном Каримбегов и его директор Шемахинской обсерватории (второй крупнейшей в СССР). Способ, каким люди говорили о своей жизни и работе, был буквально зачаровывающим, временами невероятным и трогательным. Описанные здесь наблюдения являются моим восприятием происходящего, и как предполагают современные подходы к этнографическому исследованию, это конструкция многоплановой реальности.(3) Я хотел прорваться сквозь сухие упоминания о культуре, политике, экономике, социальной организации, и уловить вкус и пластичность неожиданных встреч с людьми, а также ощутить значение повседневных утверждений и повествований людей, с которыми я встречался, особенно в то время, когда они желали говорить более открыто

Существует много источников самосознания, таких как культура, социальная структура, т.е. трайб, клан, родословная, также территория, местоположение, язык, религия, музыка и искусства. Это также взаимоотношения с другими народами, такими как русские, армяне, грузины, иранцы, турки, и многими такими более малыми группами внутри Азербайджана, как лезгины, аварцы, татары, евреи, курды, таты, тальши. В Азербайджане, как и во многих других новых независимых государствах-наследниках СССР, существует состояние постоянного движения, кризиса и перехода. В разгар политического хаоса, приведшего к возвращению к власти в середине июля 1993 года Гейдара Алиева, бывшего руководителя КГБ в Азербайджане и одно время члена Политбюро в Москве, Азербайджан совершил поворот от социалистической командной экономики к институционализации свободной рыночной системы. Ухудшающиеся экономические условия и нестабильная политическая ситуация имели ответвления в качестве отношений Азербайджана с другими странами СНГ, также как и с другими региональными странами, такими как Турция и Иран. Взять, к примеру, суд 22 апреля 1997 года над

четырьмя лидерами Исламской партии, которых арестовали за шпионаж в пользу Ирана и обвинили в государственной измене. В случае признания виновными, этим людям грозит смертный приговор. Это окажет воздействие на природу культурного диалога и взаимный обмен между такими соседними странами, как Иран и Турция.

Важным фактором в обострении азербайджанского чувства самосознания и национализма оказался конфликт с Арменией, который вначале начался как этнический конфликт внутри СССР.(4) Статус независимого государства был достигнут после начала конфликта, но международное восприятие все еще таково, что этнический конфликт противостоит национальной войне. Этот конфликт привел к появлению почти одного миллиона беженцев и оккупации армянскими силами одной четверти Азербайджана. Сегодня необычайно повышенное ощущение времени, пространства и истории подкрепляет собой современные усилия азербайджанцев по осознанию необходимости массовых перемен.

Жизненно важной для переформулирования личного, этнического и национального самосознания оказалась роль социальной памяти, уходящей в годы до русской революции, и воспоминания о сталинской эре, когда многие семьи были насильственно разделены и часто никогда больше не встречали друг друга снова. Также важными для самосознания азербайджанцев являются современные вопросы о взаимоотношениях с Россией, степени русификации и социальных изменениях.

Концептуальные и методологические проблемы

При попытках концептуального и методологического подходов к групповому самосознанию, важными и полезными являются работы норвежского антрополога Фридриха Барта об этничности и самосознании. В своем знаменитом введении в сборник Этнические группы и границы Барт рассматривал этническое самосознание как дело социальной организации “культурного различия”, и акцентировал внимание на границе и процессах сохранения границ. Он показал, что этнические группы и их черты производятся при определенных межфракционных, исторических, экономических и политических обстоятельствах. Для Барта эти черты являются высоко ситуационными, а не изначальными.(5) В тех повседневных поступках, выборах, ситуациях и условиях, в которых каждый индивидуум находит самого себя или саму себя, и с которыми он предпочитает идентифицироваться, производится различие в том, как этнические группы созданы.

Если изучить ближе многокультурную и многоэтническую ситуацию в Азербайджане, и особенно в столичном городе Баку - с армянами, русскими и многими другими малыми народами и культурами, и повседневные процессы, можно увидеть, что области смешения широки. Поэтому, в ситуациях постоянного изменения, где многие культуры смешаны, задачей является то, как нанести на карту контрастное самосознание и изучить то, как формируется и сохраняется разрыв между взаимосвязанными культурами.

Для сортировки взаимосвязанных сил, взаимопереплетенных в этой повседневной ситуации, методологически Барт предлагает нам моделировать процессы отдельно на микро, среднем и макро уровнях.(6) Каждый из этих уровней имеет механизм обратной связи с другими уровнями. Полезной рекомендацией является учет многомерной природы персонального, этнического, национального и наднационального самосознания. Часто ученые имеют дело с одним или другим из этих уровней изолированно. Взаимосвязи между уровнями довольно важны для понимания того, как любая группа или население осознает себя и как, основываясь на этом, ведет себя социально, политически, национально, или же как член мирового сообщества.

В схеме Барта микро-уровень существует для моделирования процессов, влияющих

на опыт, формирование самосознания и саморегулирование в сложном контексте взаимоотношений, требований, ценностей и идей. Средний уровень существует для моделирования процессов, которые создают коллективность и мобилизуют группы для различных целей разными средствами. Барт называет это областью предпринимательства, лидерства и риторики. На этом уровне устанавливаются стереотипы, а коллективность приводится в движение. На этом уровне также навязываются варианты или-или, и формируются многие аспекты границ и дихотомии этничности. Наконец, макро-уровень существует для моделирования государственных, национальных, наднациональных, транснациональных и глобальных процессов. Например, государственная политика, правовое создание бюрократий, устанавливающих права и ограничения в соответствии с формальными критериями, и произвольное использование силы и принуждения, на которых держатся многие режимы. На этом уровне выражаются и навязываются такие идеологии, как национализм, которые часто хитроумно смещают некоторые идеи самосознания, исходящие из этничности. Контроль и манипулирование публичной информацией и речами, как чрезвычайно важная деятельность каждого режима, также имеет место на этом уровне. В настоящее время все больше и больше глобальных выступлений и международных организаций играют особую важную роль на этом уровне и часто связаны с интересами на среднем уровне. Этот тройственный или трехуровневый анализ, предложенный Бартом, проходит длинный путь, по крайней мере предлагая то, как мы можем закрыть брешь между различными типами исследований, а также посредством разных дисциплин в социальных науках. Ясно, что эта задача намного крупнее, чем та, осуществление которой я предпринял. Как этнографическое объяснение важных проблем самосознания в сложной системе культурных различий в Азербайджане, и в особенности в столичном городе Баку, данная статья подпадает под микро-уровень.

В целях понимания этнического самосознания в Азербайджане вообще и в Баку в частности, полезно снова обратиться к рассмотрению Бартом этничности и этнического самосознания в его введении в Этнические группы и границы. Это может быть суммировано как: (1) изначальная точка понимания этничности находится не в анализе культуры, а в рассмотрении этничности как формы социальной организации, организационного типа. Это, как констатирует название Барта, форма организации культурного различия. (2) Корни этой организационной формы находятся не в культурном содержании, ассоциируемом с этническим самосознанием, а скорее в факте их дихотомизации - наличии разделяющих группы границ. Это переносит акцент с кажущейся "объективной" культурной особенности на поведение (включая "культурное" поведение), которое социально эффективно в сохранении групповых границ. (3) Этническая идентификация должна рассматриваться как основанная на приписывании и самоприписывании, а не на "владении" определенным культурным инвентарем; это фокусирует аналитическое внимание на возможном манипулировании самосознанием и на его "ситуационном" характере. Центральным для всех трех видов понимания было опровержение определенного понятия культуры и приглашение к переосмыслению его значения, как это показано в "этничности".

Столкновение с Баку

Как иранскому азербайджанцу, как говорящему на турецком меньшинству и как антропологу, который прошедшие тридцать семь лет прожил на Западе, мне трудно не видеть социально-политической и культурной истории Азербайджана в многоплановой и сравнительной перспективе. После прибытия из Соединенных Штатов через Стамбул в Баку, я оказался совершенно очарованным Баку и Азербайджаном, делая интересные перекрестные сравнения с культурами Ирана, Турции, Европы и Соединенных Штатов. Первым произведенным на меня главным впечатлением было то, как люди вели себя в публичных местах. В отличие от

иранских и других ближневосточных городов люди на улицах в Баку не смотрят друг на друга долго и пристально. Когда люди бросают друг на друга быстрый взгляд, это считается здесь человеческим любопытством. Лучше, когда на вас не смотрят, но в конце концов можно спросить почему люди ходят с баши ашага, “опущенной головой”, как говорит турецкая пословица. Хорошие манеры - это легкий ответ. Страх, репрессии и покорность - это не легкий ответ. Вторым главным впечатлением в первые несколько дней были пяти- или шестиэтажные многоквартирные бетонные блочные здания. Низкокачественный сборный строительный материал из литого бетона, нагромождение квартир и множество человеческих существ, живущих один над другим, произвели огромное впечатление. В определенном смысле нет отличий от любого большого города где-либо. Умом приятно знать, что советское государство заботится обо всех, и все люди имеют жилье. Но позже, когда я пролетал над Табризом в Иране, видя одно- и двухэтажные дома настолько далеко, насколько мог видеть глаз и сравнивал этот вид с надземным видом Баку, я думал о том, как отличаются география и внешний вид свободного предпринимательства от городского ландшафта плановой экономики. В Табризе большинство людей имеет небольшие дома с несколькими комнатами и дворами. В городе сохранена пространственность. Этого нельзя было сказать о Баку, хотя как город он красивее и притягательнее. Баку не является новым мировым городом, раскинувшимся вместе со всеми общими проблемами насилий и грабежей. Но многие входы в квартиры людей в советских блочных зданиях имеют двойные двери с металлической обивкой, со множеством замков и глазком для того, чтобы видеть стучащих в дверь или звонящих людей. Мне сказали, что это был пост-советский период защиты от воровства и отсутствия безопасности при ослабленной центральной власти. Но преобладание замков, ключей и дверей также имело отношение к тому, чтобы быть в безопасности от государства, как в советское, так и в настоящее время. В противоположность Ирану и другим ближневосточным городам, люди на улицах Баку не подходят и не спрашивают кто вы и что вы делаете. Но когда они узнают, что вы азербайджанец из Ирана, они становятся теплыми, дружелюбными, счастливы видеть вас и разговаривать с вами. Они извиняются за то, что имеют мало средств для того, чтобы вас лучше встретить, или потому, что их город и метро стали такими грязными за последние пять - десять лет.

По мере того, как вы проводите все больше времени в городе, вы начинаете понимать, что Баку неоднородное место, он имеет неоднородное население, и не только русских или армян. Культура, то как одеваются люди, то как они смотрят и ведут себя, различаются. Общее ощущение на улице в том, что одежда и поведение менее ограничены, нежели во многих ближневосточных странах и в сегодняшнем Иране. В общем, женщины хорошо одеты. В середине старых бетонных блочных квартир и вместе с ощущением старой эры, каждый рад удивляешься, видя, что люди носят хорошую одежду и заботятся о моде.⁽⁷⁾ Люди в Баку говорят по-русски, молодые парни и девушки под ручку гуляют в парках. Среди определенных людей и групп уровень русификации довольно высок. Но он сейчас падает. Более интересным является то, что означает для людей на улице и в повседневной жизни говорить по-русски и показывать русскую культуру. Держащиеся за руки и целующиеся в метро молодые люди не являются поводом для осуждающих взглядов и шума. Парадокс ожидаемого поведения, с моей точки зрения, был интересным. Я мог бы не думать дважды о таком поведении в парижском или нью-йоркском метро, но здесь в Баку это удивило меня, особенно тот факт, что люди не показывали возмущения. Они может быть это не одобряли, но это не делалось публично. Я стал кое-что понимать о расчлененном общем и различиях между северным и южным Азербайджаном. Всего лишь в одном дне езды было много контрастов с Табризом, таких как одно- и двухэтажные здания в Табризе, которые своим физическим видом рассказывали разные истории об отношении людей к собственности, жилью, публичному и частному пространству.

Другим сильным впечатлением во время первого визита было частое использование в речи слов, означающих быть депортированным, увезенным или приговоренным командой, наряженной для расстрела. Эти понятия, действия, акты и судьба людей

были понятны всем и являлись тем, как многие личности, молодые и старые, вели себя в повседневной жизни. Я столбенел от того, как внезапно люди прорывались к прошедшей истории своей семьи и жили с призраками депортаций, смертных приговоров и реабилитаций. Таким примером был Джавид, который делал ковры. Его мать, престарелая женщина, пришла в офис со своей шестилетней внучкой, где Джавид и я говорили не о коврах, а о производстве кинофильмов. Его зять является известным режиссером, который сделал фильм об азербайджанском обществе на рубеже века, находящийся в Зейнал Абдин Таджиеве, известном доме нефтяника, сейчас Азербайджанском Доме Истории. За те десять минут, которые мы были вместе, стало ясно, что ее отец был отправлен в Сибирь. Но она быстро заявила, что все еще живет на земле и в доме своего отца, в старой части города. Позже, когда Джавид пригласил меня к себе домой, он сказал, что трехэтажный дом, в который мы вошли, принадлежал его семье до большевистской революции. Они отняли все и оставили семью в одной комнате. Со дня независимости в 1991 году лишь одна комната была возвращена, но остальное, сказал он, “мы никогда не увидим, потому что эти люди просто мафия”. Использование им слов инглаб дошмани, враг революции, было интересным. Таким было обвинение против его деда, который был депортирован в 1930-х и умер в изгнании. Факт, что в 1970-х Гейдар Алиев стал известен в связи с его усилиями вернуть останки депортированных азербайджанцев, погибших в разных уголках СССР. Подобно семье Джавида, каждый день можно было услышать одну или две истории. Историк Свиточовский пишет в своей книге, что в сравнительных терминах, великий террор 1937 года в Азербайджане и Грузии был “наверное хуже, чем в любой другой республике, за исключением Украины”, и указывает, что из 70,000 азербайджанских жертв великого террора, 29,000 классифицировались как интеллектуалы.(8) Ясно, что события прошлого воздействуют на умы многих азербайджанцев, и многими способами формируют их ощущение самих себя и самосознание.

Память и самосознание

Было удивительно видеть, что люди полагаются на прошлое, на вещи, которыми они владели, например немногие серебряные предметы, или античные реликвии, которые свидетельствовали об их социальном положении до большевистской революции. Например, в одной семье сохранились только две вазы от дедушки и бабушки, которые до революции были важными людьми. То, как обращались с этими вазами и беседа, которая имела место в связи с ними, оказались связующим звеном между прошлым и настоящим. Это была необычно значимая связь, это была культурная связь, почти цивилизационная связь. Другим примером был тот, кого называли беем. До революции это были мелкие землевладельцы или знатные люди. Теперь некоторые из таких индивидуумов начали робко выделять себя в качестве беев. Вначале они могли использовать титул впустую, но тем не менее, возникало приятное ощущение, когда люди использовали бей после имени, например, Искандер бей. Происходило изменение политически правильного Искандер мю'алем, или других социально принятых титулов.

Возникла необычайно сильная тенденция помещать людей в определенного типа социальные рамки. Роль личной, общественной, коллективной памяти оказалась важной в формировании и сохранении азербайджанского самосознания. Плохие воспоминания часто связывались со сталинским периодом 1930-х годов. Хорошими воспоминаниями были немногие фотографии старой семьи дореволюционного периода для того, чтобы показать, кем они были в те дни. Люди, которых я не знал, могли пригласить меня в свои дома, чтобы показать мне эти очевидности прошлого, разложить их для подтверждения и уважения, и поместить себя в классовую систему как бей, ага или даже хан. Непрямо говорилось, что “то что вы видите сейчас, это не настоящая семья или я. То, что мы представляем собой сегодня, это отклонение”. В течение многих лет советская система уничтожала основную часть очевидностей

прошлого - такие семейные вещи, как фотографии, серебро и достопамятность. В некоторых случаях связи с прошлым разрывались довольно эффективно.(9) Нет почти ничего такого, о чем большинство азербайджанцев сегодня могло бы сказать, что оно принадлежало их бабушке или дедушке. Дом художника и его утверждение о том, что “это единственная вещь, оставшаяся от моей семьи”, являются ярким тому примером. Воображения и воображаемые сообщества являются единственными оставшимися вещами.(10)

Азербайджанцы оставались гордыми и уравновешенными, но у них явно было чувство того, что они выглядели советскими мужчинами и женщинами, вышедшими из семидесятипятилетнего периода изоляции. Ключевым было то, что, для завершения презентации самих себя, люди чувствовали сильную необходимость в воспоминаниях о прошлом. Это было в явном контрасте с Табризом, где незаметна такая убежденность части людей полагаться на их прошлую жизнь, чтобы придать смысл настоящему, или происходящим изменениям. Это является одним из ключей в понимании переформулирования и обсуждения проблемы самосознания в современном Азербайджане.(11) В течение последующих 10-15 лет это вероятно изменится.

Феномен памяти был противовесом попыткам советского режима предать забвению материальную очевидность прошлого. Я называл это “живой” памятью или же это может быть названо долгосрочной памятью, а на общественном уровне это может быть социальной и/или коллективной памятью.(12) Посредством “живой” памяти я обращался к необыкновенно ясному знанию отдельных событий, дней, часов - тридцать или сорок лет тому назад, часто в сталинскую эру - даже теми индивидуумами, которые тогда еще не родились. Точность была ошеломляющей и почти невероятной. Сила памяти, по крайней мере среди северных азербайджанцев, сильно отличалась от того, что было в Иране, или от того, с чем мы знакомы здесь на Западе. Когда я спрашивал об этом, в ответ звучало, что мы знаем нашу историю хорошо. Мой ответ заключался в том, что это больше, чем хорошее знание вашей истории, что работает еще нечто. Передача рассказов внутри семей о смертных казнях, депортациях, потерях из поколения в поколение, играла главную роль в оттачивании этого типа информации в умах людей. Это была информация, известная частным лицам и которую носили в сердцах, или как писал Джонс, приватизация памяти. Тем не менее, существует интересное взаимодействие между приватизированной памятью и ее отражением как социальным и коллективным феноменом. Было ясно, что существовала глубоко укоренившаяся потребность в признании для той части азербайджанцев, которые желали, чтобы другие интересовались их историей, их рассказами, их культурой и тем кто они такие как тюрки, мусульмане, кавказцы, европейцы, обрусевшие космополиты и современники.

Этническое самосознание и самосознание меньшинств в Азербайджане

Ввиду различных советских решений этническое сознание и самосознание является очень сильным в Азербайджане.(13) Люди регулярно осведомлялись о вашем происхождении так, что они могли поставить вас на определенное место, могли классифицировать вас. Официально требовалось, чтобы этническая принадлежность была отмечена в паспорте, это часть вашего бытия. Вопросом для меня было определить, до какой степени азербайджанцы идентифицируют себя со среднеазиатскими народами и культурами, или же они идентифицируются идеологически, разделяя тюркский язык? Существует много дискуссий о тюрках и расе, как о нечто таком, что отличается от социальной конструкции. Но когда азербайджанцев спрашивают, насколько близко родственными они чувствуют себя по отношению к Туркменам и другому среднеазиатскому населению, то они менее уверены в ответе.

Повседневные разговоры о самосознании и формулировании различий в отношениях с другими группами являются важным делом в Баку и многих частях Азербайджана. (14) Интересным контрастом для меня был многоэтничный и многокультурный контекст Баку против практически отсутствия многоэтничного контекста Табриза. Некоторыми из ключевых факторов групповых различий и взаимоотношений или, как констатирует Барт, сохранения “культурного различия”, были взгляды, одежда, культурные ценности, идеи, конкуренция и уважение. Сохранение границ между группами достигалось посредством создания стереотипов и выражения различий или конкуренции. Но ясно, что была взаиморазделяемая область межэтнических обсуждений и взаимодействия, своего рода комплиментарность между различными этническими группировками. Передвижения границ, нарушения и смешения во многом были очевидны. На неподдержание границ, то есть пористость этнических границ, обращалось слабое внимание. Барт делал четкое ударение на том, что этничность появляется в ходе разных процессов социального взаимодействия, и что не существует просто как один на один взаимоотношения между этническими единицами и “объективно определенными” культурными различиями. (15) Также хорошо констатировал это антрополог Стейнли Тембиех, который много писал об этнических конфликтах:

“хотя сами участники, выдвигающие разные требования, говорят так, будто этнические границы всегда были четко установлены и определены, и думают об этнической коллективности как о группах, которые самовоспроизводят границы, ясно также, что с точки зрения динамичной и процессуальной перспективы есть много прецедентов “сдачи” и изменения самосознания, объединения и ассимиляции новых членов, и изменения масштабов и критериев коллективного самосознания. Этнические этикетки становятся при применении пористыми”. (16)

При заявлениях об изначальности и глубоких культурных корнях, в Азербайджане этническое сознание подвергалось сознательным манипуляциям. Примерно 14 процентов городских (2 процента сельских) браков являются межэтническими, многокультурными и транснациональными браками. (17) Некоторые люди представляли собой результат смеси из четырех или пяти ветвей и не имели места куда уехать при пост-советском изменении народонаселения. Например, случай с Фекратом из Сан-Франциско и смешанной родословной родителей его жены. Два поколения армянских женщин, состоявших в браке с мужьями-мусульманами; или случай со смешанной семьей в Баку, состоявшей из представителей азербайджанского, таджикского, русского, еврейского и немецкого этносов. Изучение смешанных браков и детей дало бы важные результаты при попытках понять динамику споров о самосознании в бывших советских республиках. Люди от смешанных браков не рассматривались в Азербайджане как граждане второго сорта, но они представляли собой отличающуюся категорию гани гариших или метисов. Наконец, интенсивно использовались такие понятия трайбализма, как таифах и иези-аз, означающие тех, у кого мало земли. Часто констатировалось, что именно благодаря трайбализму Гейдар Алиев смог мобилизовать людей, чтобы предотвратить покушения на его власть, которые через его нахичеванский трайб, или же через Ери-аз, перекочевывают из сельской местности в Баку в последние 30-40 лет. (18) Эти люди доминировали в коммунистической партии и на местных административных постах.

При упоминании того же типа прав для своих собственных национальных меньшинств, которые Азербайджан требовал от русских и Советского Союза, ответ оставался малосодержательным. Содействие потребностям нового государства и национальному строительству оказалось главным. Несмотря на это, официальные публикации констатировали, что языки меньшинств преподаются в местных школах, используются в публикациях и теле- радиопередачах без ограничений.

Бесспорно, что азербайджанское самосознание находилось под угрозой. Ясно видно, что северный Азербайджан более русифицирован, чем персифицирован южный Азербайджан. При прямом путешествии из северного Азербайджана в южный

Азербайджан, как я это сделал по Каспийскому морю от Баку до Астары и Табриза, очевидно, что иранский Азербайджан является очень тюркским. Русификация принесла в северный Азербайджан новые идеи, индустрию, науку, музыку и некоторую модерность. Но тем не менее, она в то же время изменила, поставила под угрозу и под вопрос ощущение азербайджанцами того, кто они такие, их тюркско-иранское и мусульманское наследие. Поэтому это намного более изменчивая ситуация, часто дающая путь экзистенциалистским, первородным и националистическим позициям в спорах по вопросу о самосознании азербайджанцев. Усиленный советской трактовкой национальностей, пост-советский период национализма для народа Азербайджана является новым выражением себя и своего самосознания, в то время как на Западе он является старомодным и зрелым партикуляризмом, а в Табризе - скучной проблемой. Хотя существовало и небольшое ощущение транснационализма или глобального космополитизма, который многим казался малозаметным. Исторически, трудность дилеммы азербайджанского самосознания находится на пересечении албанской, исламской, тюркской, персо/иранской, русской, советской природы социо-культурной и политической жизни. Все это существует в паре с проблемой европейского/неевропейского, Востока/Запада, современного/традиционного статуса и ощущения самосознания. В результате возникает сложная организация культуры, которая от большинства азербайджанцев ежедневно требует искусного управления и обсуждения.

Самосознание в отношении к Ирану и Турции

Родственные отношения с иранским Азербайджаном широки, здесь существуют сильные связи и это чувствуется в разговоре с людьми. С другой стороны, в повседневных разговорах немногие люди заявляют что они имеют родственников в Турции, в то время как многие утверждают, что в Иране есть их родственники, или же что их отец родом из того или иного иранского города. Люди уезжали из Азербайджана в Турцию, даже после Второй Мировой войны они искали там прибежище. Но редко можно услышать в повседневных разговорах, что люди ездят навестить или найти своих родственников в Турции.(19) Восприятие того, что северный и южный Азербайджан был одной землей, единым географическим районом или нацией, которую поделили русские, все еще сильно после полутора веков российского и советского правления. Это восприятие не является таковым в отношении Турции. Существует различие и в том, как азербайджанцы смотрят на южных азербайджанцев, или на иранцев в целом.

Как страна, Турция является привлекательной альтернативой для заключения Азербайджаном союза, так как Турция считается успешной страной. Некоторые возвратившиеся из Турции азербайджанцы имеют иное мнение о превосходстве турецкой модели социально-культурной и политической организации и развития. Согласно американским дипломатам в Баку, после достижения независимости и открытия Азербайджана для остального мира, турки стали прибывать из Турции с определенными целями, пытаясь помочь Азербайджану, вырвать его из хаоса социализма и экономического кризиса, и стать партнерами при принятии Азербайджаном рыночной экономики. Патронаж турок привел к появлению высокомерных позиций о том, что некоторые их усилия были контрпродуктивны и привели к обратным результатам. Многие азербайджанцы считают, что они являются развитой страной, и они должны сопротивляться нападкам популярной современной турецкой культуры и образу жизни, в особенности турецкому капитализму таким образом, чтобы они сами смогли сформировать современное пост-советское самосознание, основанное на тех культурных и исторических чертах, которые они имеют. Например, они хранят такие свои собственные музыкальные традиции, как создание первой оперы и филармонии в этой части мира. Или, например, в области политики они ценят демократические идеалы,

основанные на их достижениях в первые два десятилетия 20 века, которые, по их мнению, в те дни были более продвинутыми в Баку, чем в Стамбуле. Существует ясное восприятие того, что исторически они были более прогрессивны, более европеизированы, чем оттоманцы, иранцы и другие на Ближнем Востоке. Наверное, это так, но в руках русских, которые доминировали на Кавказе с начала 19 века, азербайджанцы платили цену за продвинутость и современность. Хотя еще не ясно, как Азербайджан собирается взять себя в руки после семидесятипятилетней изоляции и более чем полуторавекового доминирования. Ясно, что отношения Азербайджана с Советским Союзом являются фактором того, как они думают о себе сегодня. Многие азербайджанцы все еще имеют перспективу и менталитет супердержавы. Супердержавный менталитет был очевиден в их суждениях о советских космических достижениях. Детали были общеизвестны, и люди разговаривали об этих достижениях как о части своих собственных, азербайджанских достижений. Это был уровень само-возвеличивания, исходящий из существования как части супердержавы. Во многих отношениях термин “бывший”, при апеллировании к бывшему Советскому Союзу, является существенной частью азербайджанского самосознания, и играет в Азербайджане важную роль в преобладающем ощущении самого себя. Динамика “третьего овсемиривания” бывшего СССР была трудным процессом принятия и утверждения, особенно для образованного сектора. И ныне азербайджанцы живут с большой дозой самоцентризма и этноцентризма, и чувствуют превосходство над турками в Турции, или над турками в Иране, и над иранцами.

С другой стороны, когда возникали дискуссии о литературе или культуре, то часто упоминался Иран. Хорошо образованные азербайджанцы высоко ценят персидскую литературу, они могут читать и наслаждаться персидской поэзией. Они более симпатизируют иранскому наследию. Даже собственные известные азербайджанские авторы красивого письма, такие как Хагани Шервани (1126-1199), Низами Ганджави (1141-1202) и Мухамед Физули (1494-1556) писали на персидском. (20) Азербайджанцы, путешествующие в последние годы по Ирану, находили, что иранцы открыты и интересуются ими, даже если в среднем встречающийся им на улице человек не так информирован об Азербайджане, как бы им этого хотелось. Несмотря на то, что было бы разумно считать естественным установление связи между северным и южным Азербайджаном и что они многое друг о друге знают, все же существует серьезный информационный пробел и заблуждения во взаимном восприятии. Кроме политики, национальных опасений и интересов элит с обеих сторон, существует страх ислама на севере и независимости на юге, простые люди медленно восстанавливают знакомство друг с другом и осознают, насколько в определенном смысле они одинаковы и в каких областях непохожи. (21)

Язык, изменение алфавита, образование и самосознание

Важным предметом сложного азербайджанского самосознания являются язык, изменение алфавита и образование. Одно дело констатировать это интеллектуально и думать об этом исторически. Иное дело наблюдать на улицах и в домах воздействие на людей изменений алфавита, динамики использования языка и взаимодействия между русским, азербайджанским турецким, а также языками и диалектами других меньшинств. До 1926 года азербайджанский турецкий язык писался с помощью персидского/арабского шрифта, между 1926-1939 годами он писался с помощью латинского алфавита, с 1939 по 1991 использовалась кириллица, а с 1991 года был принят современный латинский алфавит. (22) Старшее поколение испытывает сегодня трудность в адаптации к принятому заново латинскому алфавиту. Оно не может читать и писать на нем и испытывает неудобство с ним. Оно чувствует себя оторванным даже от рекламы. Из-за алфавита и языка возникают серьезные разрывы между поколениями в семье и в обществе. В смысле письма, чтения и совершенствования, поколение отцов чувствует себя комфортно в

одном, детей - в другом, а дедов - в третьем. Буквы и слова не выглядят знакомыми для людей разных поколений. Во время обсуждения проблем изменения языка и алфавита с Фекратом, азербайджанским зубным врачом, эмигрировавшим недавно в Соединенные Штаты из-за того, что его жена была армянка, он констатировал это следующим образом:

“в Соединенных Штатах, для разных поколений семьи, написание слова вызывает тот же самый образ слова или картинка. Но когда мы думаем о написании в моей семье в Азербайджане, мы получаем три разных образа слова, один на каждое поколение, в зависимости от того, с каким алфавитом вместе мы выросли. В Соединенных Штатах это есть нечто, о чем вы не думаете ежедневно. Но для нас это было именно так.”

Сегодня большинство азербайджанцев по-прежнему использует кириллицу, так как не хватает печатающих средств для массового перехода от кириллицы к латинскому алфавиту. Им не удалось выпустить значительное число книг на латинском за короткий промежуток времени. Более того, так как большинство людей не знакомо или же испытывает неудобства с латинским алфавитом, они не покупают опубликованные на нем материалы. Однако детей в азербайджанских школах обучают с помощью латинского алфавита.

В Азербайджане существует два типа школ, известных как русский и азербайджанский сектор. Ясно, что в русском секторе обучение осуществляется на русском языке и с помощью кириллицы. В азербайджанском секторе, вплоть до времени независимости, учащихся обучали на азербайджанском турецком, используя кириллицу, но с 1991 года алфавит был изменен на латинский. Учащимся, которые обучались вплоть до седьмого класса с помощью кириллицы, теперь внезапно пришлось перейти на латинские буквы, и заканчивать учебу уже с этим алфавитом. Это изменение привело к немалой разобщенности. Фактически, этот тип разобщенности является отличительной чертой жизни в Азербайджане, в особенности среди старшего поколения.

Кроме того, лингвистическая разобщенность является одной из причин напряженности в семьях. Высоко образованная дочь одной из известных общественных деятельниц (которая сама хорошо знает русский язык и занимала высокие посты в советский период) сказала мне, что когда, после достижения независимости, она отвечала своей матери на русском, мать неоднократно спрашивала “почему она говорит на языке колонизаторов”.

В пост-независимый период существовало нелегкое стремление образованной элиты приспособиться к родному языку. Было интересно наблюдать, как многие азербайджанцы пытались скрыть их трудности, когда они говорили на турецком языке. С другой стороны, лишь поколение рожденное с 1950-х годов, испытывало наибольшие удобства с русским языком. К 1994 году, для обучения с помощью латинского алфавита, не было удовлетворительных книг практически по всем предметам. Главное внимание было уделено детям первых классов, начинающим использование латинского алфавита. При всей напряженности культурных, политических и военных отношений с Россией, многие родители все еще заявляют, что так как русский сектор продолжает существовать, они предпочитают родной язык благодаря качеству обучения. Русский сектор известен как более сильный и родители, имевшие более высокие ожидания для своих детей, определяли их в школы русского сектора. Нет необходимости говорить, что в советский период существовала сильная система слежки, с ее корнями, уходящими далеко назад в досоветские времена. Также существовала сильная система стратификации, в особенности для тех, кто жил в разных регионах Азербайджана, в смысле школьного и высшего образования. Существовал раскол между городом и деревней, и между Баку и более провинциальными городами. Семьи, ориентированные больше на Москву, хотели чтобы их дети ходили в русские школы. Как объяснял мне врач, вы могли учиться и в медицинском училище на азербайджанском секторе, но число

книг на азербайджанской кириллице было ограничено по многим областям медицины. Поэтому, во время экзаменов, студенты-медики азербайджанского сектора вынуждены были просить нас, русский сектор, делать переводы из наших книг. Как говорил Фекрат:

“наши языки были колонизированы, изменены и русифицированы. Это давало лучший контроль, доступ к отдельной литературе и знанию, но это также это вносило разобщенность в процесс и культурную жизнь.”

Социальное и психологическое воздействие изменения языка и алфавита было огромным. Но как измерить воздействие языковой политики на народ и общество? Как измерить что человек может сделать и чего не может ввиду асимметричной лингвистической ситуации и многих изменений алфавита? Колониальные условия двуязычия очень отличаются от добровольного дву- или трех-язычия. Рассказ о студентах-медиках, начавших с перевода материалов с русского для того, чтобы сдать экзамены, является информацией из первых рук и детально, освещающей то, как люди приспособлялись к изменениям в условиях колониального языка и “реформы” алфавита.(23) Лингвистическая политика Советского Союза является историей попыток построить единение.(24) Алфавит и языковые изменения также были попыткой создания нового русского и советского человека или населения. Результатом оказался гибрид или мутант, который посредством селекционного процесса все глубже и глубже вводился в русский и советский мир и культуру.(25)

Религия и самосознание

Период гласности и крушения СССР дал возможность разным народам Азербайджана открыто обратиться к своим религиям и религиозной практике. В течение почти восьмидесяти лет религия и ее институты испытывали нападки, репрессии и оскорбления со стороны советского государства и ее местных коммунистических идеологов, так как предпринимались согласованные усилия по искоренению религиозности путем насаждения советским гражданам догматов научного материализма. В целом усилия провалились, однако настойчивая пропаганда атеизма и секуляризма оставила свои следы у разных народов и классов Азербайджана. Удивительным результатом в смысле индивидуумов оказалось то, насколько разобщенным или разорванным является их знание об основной линии мысли и истории их религии. Это было особенно очевидно среди тех среднего возраста и молодых мусульман, которых я интервьюировал.(26) Антирелигиозные кампании и классы были успешны в нейтрализации религии и превращении ее в неэффективную для повседневных целей. Без мечетей, без заслуживающих доверия духовных лиц, к религии прибегали только во время лишений и трудностей. При обсуждении ислама в пост-советском Азербайджане, один из непосредственных наблюдателей отмечает, что:

ритуалы на таких траурных церемониях так эклектичны, что трудно сказать, является ли исламом то, что практикуется. Последнее является формой устной религии, ведомой самоучками и назначенными религиозными лидерами, и которой научились в семье или у друзей. В Рамазан месяц я присутствовал на “тазиех” в Баку. Тех, для кого проводилась церемония, угощали сладостями и чаем. Я был одет в черное и думал о том, могу ли я одеть свою шапку. Но для спокойствия я отступил. Одна стоящая рядом семья была одета в черное, но далеко не все присутствующие. Ни у кого волосы не были покрыты. Мы все сели вокруг большого стола, и духовное лицо женского пола стало вести церемонию. Было трудно не быть опечаленным словами и тоном духовного лица, оплакивающего бессмысленную смерть погибшего в аварии маленького мальчика. После окончания, во время обеда, служительница повернулась ко мне и спросила что я думаю о ее исполнении. Она извинилась и сказала, что мы всего лишь учимся делать эти вещи - бесспорно, что в

Иране они делают это должным образом!!

Автор констатирует, что люди импровизируют обычные цели, которые практикует ислам, сочиняют их и часто не следуют никаким формальным ритуалам шиитских или сунитских традиций, но они хотят их воскресить. Это часть отвергнутых ранее традиций, и люди хотят знать как должным образом хоронить своих мертвых.(27)

Как указывалось, среди городской молодежи и людей среднего возраста общий уровень религиозного знания находится на довольно низком уровне, но это почти народный ислам, или же его можно назвать “светским” исламом. Затруднение существует в связи с недостатком религиозного знания. Люди идентифицировали себя как мусульмане и мусульманская нация, но в то же время защищали материализм и тот факт, что Бога нет. Другие заявляли, что являются мусульманами, поднимали свой стакан и хвастались тем, что они никогда не молились. Термин “мусульманин” не обязательно указывает на религиозность личности, а скорее на то, кто идентифицируется как уроженец Кавказа или Средней Азии.(28)

Светская природа общества и тот факт, что религия играет малую роль в публичной сфере, отмечались многими исследователями. Но то, как это переводится в религию, которая имеет меньшее значение в жизни людей, этот вопрос требует лучшего изучения. В действительности, религию и религиозность можно найти в совершенно неожиданных местах, и можно уверенно констатировать, что религия является важным элементом самосознания азербайджанцев, а не только традиционных групп в сельской местности, как это утверждали многие советские авторы. Парадоксально, но советская антирелигиозная пропаганда способствовала формированию возвышенного чувства “мусульманства”. Наиболее важно, что эта идентификация отличала многих азербайджанцев от русских, армян, христианских грузин и украинцев. Исторически ислам был проблематичным фактором в отношениях многих народов Кавказа к России и к христианскому миру. Существует доминирующее восприятие того, что Азербайджан и регион испытали большие репрессии из-за ислама, существует идентификация с воображаемым сообществом мусульманских народов. В этом контрастное отличие от ситуации в южном Азербайджане, где религия не является ключевым идентифицирующим фактором в отношениях с остальным Ираном.

Можно сказать, что в пост-советский период в Азербайджане возник “кризис смысла”. Трудности крушения СССР - погребальный звон, страдания и беспорядок, которые они вызвали, находятся за пределами обычного восприятия и понимания. Эйфория, наслаждение или надежда не были общим настроением огромного большинства вскоре после коллапса. С развалом политической и социальной системы пришел кризис смысла и самосознания. Для большинства азербайджанцев другой стороной “современного” атеистического советского человека является тюркско-иранское и мусульманское наследие. В поисках культурных корней ислам неотвратимо занимает свое положение. Исследователи заметили рост участия в малых группах по изучению религии, городскую элиту и светских дам с покрытыми лаком ногтями и в западных нарядах, говорящих о своих ежедневных молитвах, или об удивительном сходстве в изложении религиозного опыта некоторых азербайджанских народов с “возродившимся” опытом здесь, в Соединенных Штатах.(29) Люди открывают заново ислам, принимают его заново, трансформируют его и используют приемлемыми для них способами.

Со времен гласности первостепенной целью мусульманских религиозных лидеров было ознакомление простых мусульман с историей и философией их религии. Даже среди светской элиты и интеллектуалов существует интерес к лучшему ознакомлению с доктринами ислама. При коммунизме, оспаривающем существование Бога, был способ сопротивления доминированию государства и партийной идеологии. Тот же исследователь констатирует: “Я говорил со студентами, которые проходили годовой курс атеизма в своем учебном заведении.

Для них начало дебатов относительно существования Бога, группирование в классе на основе мусульманства и даже получение низких оценок по данному предмету были формами сопротивления властям и защитой мусульманских культурных традиций. Те, кто сопротивлялся, имели небольшие формальные знания об исламских учениях, и не обязательно практиковались в каких-либо ритуалах. Однако, быть мусульманином являлось элементом их самосознания, что могло использоваться против авторитарного правления". Подобным образом суфизм апеллировал к молодым, особенно университетским студентам и превратился в подпольное движение сопротивления в коммунистический период.

Соперничество между Ираном и Турцией за влияние на Азербайджан также затронуло религиозную сферу. Обе страны были активны в распространении ислама в Азербайджане. Различные мечети в городе идентифицируются с иранскими или турецкими. В публикации и распространении религиозных книг обе страны играют важную роль. Голубая Мечеть в Баку неофициально считается суннитской, и здесь клерикальные представители Турции читают свои проповеди. Правительство стремится содействовать религиозной активности Турции в Азербайджане, но проявляет осторожность в связи с религиозной активностью Ирана. Духовные лица Ирана осуществляют регулярные визиты в Баку, а некоторые из них обучают религии в разных местах. Однако, Иран сталкивается с определенными проблемами в своей попытке найти опору в городской религиозной жизни Азербайджана.

Во-первых, Иран сыграл сомнительную роль в азербайджано-армянском конфликте. Хотя он организовал лагеря для почти 100,000 азербайджанских беженцев к югу от реки Арас, общая роль Ирана в конфликте рассматривается как предательская с позиций его исламских целей. Не секрет, что с этой точки зрения внешняя политика Ирана в регионе по времени совпадает с политикой России в отношении Кавказа. Во-вторых, два компонента политико-религиозной риторики и поведения, которые часто звучат по время проповедей - анти-западная и анти-американская позиция, и его действия против Израиля, пропускаются Азербайджаном мимо ушей. Подобным образом, анти-российские настроения в Азербайджане привели к очень про-западным и про-американским настроениям. Трудно сказать, сможет ли иранская религиозная и культурная пропаганда устоять перед светским и Западным вызовом. Предметом главного политического обсуждения в Азербайджане является уход от России и сближение с Западом, в особенности с Соединенными Штатами, что рассматривается в данное время в качестве единственной жизнеспособной альтернативы, которая могла бы помочь ему выйти из кризиса, возникшего в результате крушения Советского Союза и социализма. Даже оппозиция, организованная против нынешнего режима Гейдара Алиева, имеет ясную про-Западную ориентацию, а религиозная исламская партия Ислам Патриси не занимает анти-Западных или анти-американских позиций. Это сочетается с хорошими отношениями Азербайджана с Израилем - в отличие от других стран Ближнего Востока, израильская продукция в изобилии поступает в Азербайджан, и люди с уважением говорят о качестве этой продукции; израильские рекламы появляются на азербайджанском телевидении, а арабо-израильский конфликт не доминирует в общественном политическом сознании подобно другим мусульманским странам; Израиль является знакомой страной, так как соседи азербайджанцев еврейской национальности часто посещают эту страну. Это создает труднопреодолимое препятствие и культурную проблему для Ирана. Вследствие этого, духовные лица Ирана оказались вынужденными адаптироваться к ситуации и снять свои ключевые лозунги.

В третьих, суннитские и шиитские различия не так чувствительны и демаркированы, как в Иране. Обе секты подвергались репрессиям со стороны советского режима, и между ними нет такого различия, какое имеется в других странах. Даже среди местных религиозных групп существует заметная попытка обойти стороной суннитские и шиитские разногласия. Ислам Патриси открыто не признает свою шиитскую принадлежность. Обсуждая через пять лет после распада Советского Союза раскол между шиитами и суннитами, исследователь отмечает: "Я встретил

группу молодых людей, которые сформировали религиозную группу, и спросил их, являются ли они суннитами или шиитами? Их ответ был - ни теми и ни этими. В этой позиции есть простота, как вздох свежего воздуха. В этом отношении Иран рассматривается как страна, проталкивающая очень сектантскую религиозную линию - шиитскую школу Джафари.(30)

Наконец, репутация Ирана оказалась запятнанной из-за посещающих Баку и Азербайджан иранцев. Они не выглядели как символы религиозности, набожности или как образцы надлежащего управления исламским государством. Распространенным представлением об иранцах стали кутящие в баре мужчины, и снимающие косынки и длинные пальто женщины при подаче пищи в Азербайджане. Даже официальный иранский правительственный персонал критикуется за исчезновение по ночам после встреч или за контрабанду ликера в Иран. Даже если кто-либо и повествует это с крупицей соли, они основываются на представлениях азербайджанцев об иранцах. Азербайджанцы, только что вышедшие из-под контроля подавлявшего индивидуальные свободы советского режима, ценят демократические права, и централизованная исламская альтернатива не выглядит для них привлекательной. Даже те люди в Азербайджане, которые недавно пришли к исламу и выражают чувства “вновь рожденных”, рассматривают ислам не как доктрину, которая должна быть навязана населению, а как открывающуюся тропинку или свет.

Не обращая внимания на эти трудности, Иран продолжает свою религиозную деятельность. Недолго Иран издавал газету под названием “Ислам Берлик” на арабском и кириллице, а иранскими духовными лицами регулярно читаются проповеди в мечети Джемах Масджид в Баку. Наиболее важно распространение малых групп, изучающих арабский, специальные темы ислама и Коран. В Рамадан месяц, после встреч в мечети, дискуссионные группы увлекают многих, кто хочет больше знать об исламе и Коране. Однако, большинство азербайджанских мусульман не обязательно идентифицирует себя с нынешним Ираном или его религиозным истеблишментом. Иран также не смотрит на азербайджанцев как на полностью верящих или “истинных” мусульман. Интересно, что некоторыми азербайджанцами принимается идея “отсталого” ислама, так как она служит их цели отделения себя от других, таких как иранцы. Надо сказать, что само влияние истеблишмента Исламской Республики в Иране, в пост-советский период задержало возвращение азербайджанского народа в ислам своим естественным путем.

Турция также проявила большую заинтересованность в оказании влияния на религиозную жизнь и деятельность в Азербайджане. В 1995 году в Баку Турция построила очень большую мечеть. В Сумгаите турки создали религиозную семинарию. В регионе Гюсар также была построена мечеть. При помощи Турции, при Бакинском государственном университете был создан теологический факультет, который в 1993 году принял первых студентов. Турция также очень активна в распространении книг об исламе. Турецкая Рефах Патриси (Партия Благоденствия) и Ислам Патриси организовали встречи в Баку. Турецкая религиозная деятельность санкционируется и координируется отделом по религиозным делам при турецком посольстве. В Азербайджане распространено мнение о том, что азербайджанское правительство стремится расширить религиозную деятельность Турции в противовес Ирану. 22 апреля 1997 года была информация о том, что правительство Азербайджана осудило четырех лидеров Исламской партии за шпионаж в пользу Ирана, которые были обвинены в государственной измене и приговорены к длительным срокам тюремного заключения.

Расизм, национальные границы и самосознание

Расизм и шовинизм русских, украинцев и других северян в отношении “черных” или южан с более темной кожей весьма распространен. Это находится в остром контрасте с иранскими азербайджанцами, которые не сталкиваются с такой проблемой. Например, со стороны вы не увидите таких различий между персиянином и турком, как в северном Азербайджане между русскими и азербайджанцами. Северные азербайджанцы являются отличающейся нацией частично из-за своего физического облика. Живым примером этому является пример семьи Севда, которая после крушения СССР вернулась в Баку из-за ее постоянного беспокойства в Москве. Как известно, в пост-советский период началось значительное движение и перемещение населения. Семья Севда не эмигрировала навсегда в Азербайджан, и как многие другие они сохраняли за собой свою квартиру, веря в то, что однажды они вернуться в Москву. В Баку господин Севда заболел и ему надо было делать операцию - аппендицит. Поэтому семья решила вернуть его обратно - на операцию в московскую больницу. Но они были сильно обеспокоены и боялись, что русский персонал больницы тем или иным способом нанесет ему вред потому, что они азербайджанцы. Поэтому вначале другие члены семьи поехали в Москву, чтобы убедиться, что ничего плохого в больнице не произойдет. Конечно, в Москве медицинское обслуживание лучше, молодой родственник семьи Севда недавно скончался из-за инфекции в бакинской больнице. Люди предпочитают лучшее медицинское обслуживание в Москве, но они боятся того, что если русские обнаружат, что они азербайджанцы, то они умышленно не уделят им должного внимания. Также тот факт, что некоторые доктора в Москве являются армянами, еще больше усложнял положение дел. Это были оправданные или нет, но реальные страхи, и звонки брата господина Севды из Москвы о том как его останавливали на улице из-за южного, кавказского или “черного” облика и требовали предъявить паспорт и разрешение на право находиться в России, не уменьшали подозрений и страхов.

Географическое и пространственное ограничение, которое пришло с распадом Советского Союза, является изменением, которое не нравится большинству азербайджанцев. В старые времена люди садились в свои автомобили и ехали в отпуск вплоть до Балтийского моря, или в санатории Черного моря. Требовались внутренние разрешения или паспорта, но имея их, вы могли путешествовать по разным уголкам СССР, не опасаясь за цвет ваших глаз, волос или кожи, по крайней мере в той степени, в какой это происходит сегодня. Севда были полны сожаления о том, что в прежние дни они могли путешествовать и проводить отпуска, но не делали этого, а теперь это просто невозможно. Господин Севда сокрушался о том, что “возможность потеряна, мы в ловушке и локализованы Баку, его окрестностями и...”. С осуществлением долгожданной мечты большинства о независимости нации, появилась фобия национальных границ и невозможности путешествовать в пределах бывшего СССР. Заточение в намного более меньшие национальные границы воспринимается болезненно. Сама мысль об этом может быть более давящей, чем реальность, и люди определенно говорят об ощущении ограниченности. Открылись другие границы, например в Турцию и Иран, но кто позволит себе сегодня проводить отпуска в Турции или Восточной Европе так, как это делалось раньше?

Россия и современность

Исторически пророссийские настроения в Азербайджане, испытывавшем безжалостность иранских правителей, появились у определенных элит (беев, ага и ханов) в начале 1800-х годов, которые думали, что путем поддержки русских они смогут улучшить свое положение. Некоторые из представителей элиты, которые поступали в российские военные школы или “русско-татарские” школы, созданные в 1830-х годах после аннексии территорий в Закавказье, рекрутировались в ряды милиции, организованной русскими.(31) Деятельный век также свидетельствовал о динамичном подъеме интеллигенции, которая установила широкие контакты с

Европой, Россией и Оттоманской империей. К периоду Октябрьской революции некоторые из представителей русифицированной иной национальности (инородцы, как называл их Ленин) были больше католиками, чем попы большевиками.(32) Ранее, в советский период, стало ясно, что когда нерусских выселяли с их главных этнических территорий, они оказывались более легкими мишенями для русификации. Часто местная интеллигенция оказывалась проблематичной группой для структуры коммунистической партии. Как и многие другие народы СССР, местная азербайджанская интеллигенция несла неисчислимые потери в сталинские времена, другие же переезжали в Москву, Ленинград и другие российские города. Новая гвардия в Баку, которая пришла к власти в рядах коммунистической партии, представляла собой главным образом иммигрантов из деревень, которые “никогда не были истинными носителями культуры и были склонны к экстремизму и вульгарности”. А “интернационализация” различных народов и национальностей означала миграцию русских в нерусские регионы. И в российский, и в советский, и даже в сегодняшний пост-советский период, общей точкой зрения оказалось то, что чем дальше народ находится от центра, то есть от Москвы и Санкт-Петербурга, тем более отсталым он считается. Таким образом, чем большего расширения достигает концентрический круг, например, Иранского плато, тем более люди обнаруживают, насколько они “отсталы”. Сходство между писаниями генерала Павла Цицианова, ответственного за аннексию ставших Азербайджаном территорий Ирана в Закавказье, об иранцах в начале 19 века и о заявлениях определенных элементов в Азербайджане сегодня удивительно.(33) Например, тогда и сейчас, “отсталый” народ южного Азербайджана был убежден в необходимости освобождения, помощи и избавления. Единообразие этого мышления заставляет удивляться результатам промывания мозгов и гегемоническим тенденциям в северном Азербайджане. Это является более очевидной причиной пассивности иранских азербайджанцев в отношении севера.

В период с 1940-х по 1980-е в Азербайджане появились местные интеллектуалы, которые были воспитаны на партийных идеалах, знали их пределы и дрейфовали по течению.(34) С гласностью Горбачева, расколом Союза и независимостью, значительное число интеллектуалов, технократов и профессионалов с университетским образованием вернулось в Азербайджан из Москвы, Санкт-Петербурга, балтийских республик и других мест. Некоторые люди вернулись добровольно и с большими надеждами. Другие находили себя менее желанными в разных республиках, где их места медленно занимали новые националы. Имеются примеры нескольких азербайджанцев, с которыми я говорил и которые работали в Таллинне, Эстонии как советские граждане. Некоторые из недавно возвратившихся выпускников вузов и докторов наук прямо говорили, что “мы интеллектуалы, мы часть интеллигенции, мы учились в Москве, мы современные люди, мы читали экзистенциализм, мы читали Канта, мы читали Вебера, Дюркгейма, и конечно Маркса. Сейчас мы ограничены Баку и нежеланны в тех местах, которые назывались Советским Союзом, также как и в других местах”. Один из таких людей пригласил меня к себе домой, где его имеющая диплом МГУ армянская жена пыталась скрыть тот факт, что она является армянкой. В конечном итоге, они сообщили нам, “гостям или иностранцам”, насколько изолированно и ограниченно чувствуют себя. Единственное, на что эти интеллектуалы надеются, это получить стипендию IREX-а, или Эдмунда Маски для того, чтобы уехать в Соединенные Штаты на три, шесть месяцев, или на год. Было четкое ощущение стиснутости между иллюзорной современной Европой, куда никогда не ступала их нога и “мусульманским Востоком”. Для меня контраст был интересным: южный Азербайджан - это часть настоящей Азии и не имеет в связи с этим кризиса самосознания. С другой стороны, северные Азербайджанцы рассматривали себя как часть Европы и дистанцировались от республик Средней Азии, Ирана и в меньшей степени Турции. Во многих отношениях Азербайджан является землей невероятных парадоксов. Просвещение и европейские идеалы современности, которые были реальными ориентирами для таких азербайджанцев, как Хасан Бей Зардаби, Мирза Фатали Ахундов, Мамед Амин Расулов и Нариман Нариманов, и некоторых более поздних коммунистических лидеров, или для Мухамеда Али Тарбиата, Шейха

Мухамеда Хиабани, или же Ахмеда Карсави в Табризе и иранском Азербайджане, сейчас оказались довольно нереальными для многих азербайджанских интеллектуалов. Их дилеммы возникли из ощущения разочарования, отвергнутости и обманутости с экспериментом социализма, интернационализма, русского модернизма, и в нынешних пост-модернистских условиях азербайджанские интеллектуалы и народ вынуждены дожидаться “европейской” модерности, по каплям просачивающейся через операции различных многонациональных нефтяных компаний, выстроившихся в очередь для подписания прибыльных нефтяных контрактов и перекачивания нефти от Каспийского моря к нефтяным рынкам.

Примечания:

* **Ферейдон Сафизаде** - кафедра антропологии, Бостонский университет. Электронная почта: <safi@bu.edu>.

1. Об историческом обсуждении межобщинного конфликта см.: Swietochowski, Tadeusz 1995. *Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition*. New York: Columbia University Press, p. 39.
2. О “Великом Терроре” в Азербайджане см.: Altstadt, Audrey L. *The Azerbaijani Turks: Power and Identity Under Russian Rule*. Stanford, CA: Hoover Institute Press, 1992, pp. 131-150.
3. Clifford, James and George Marcus 1986. *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley: University of California Press. Fox, James 1991. *Recapturing Anthropology: Working in the Present*. Santa Fe: School of American Research Press.
4. Для дискуссии о создании Нагорно-Карабахской административно-территориальной единицы см.: Altstadt, Audrey L. «Nagorno-Karabagh - «Apple of Discord» in the Azerbaijan SSR.» *Central Asian Survey*, 1988, 7:4:63-78. Saroyan, Mark. «The «Karabakh Syndrome» and Azerbaijani Politics.» *Problems of Communism*, 1990, 39:5:14-29.
5. Barth, Fredrik ed. *Ethnic Groups and Boundaries, The Social Organization of Culture Differences*. Boston: Little Brown, 1969, Introduction, pp. 9-38.
6. О недавних размышлениях о введении *Ethnic Group and Boundaries* см: Barth, Fredrik 1994. «Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity.» Vermeulen, Hans and Cora Govers 1994. *The Anthropology of Ethnicity: Beyond 'Ethnic Groups and Boundaries'*. Amsterdam: Het Spinhuis, pp. 11-32.
7. Для обсуждения вопроса об отношениях между полами и роли женщин в советский и пост-советский период Азербайджана см: Tohidi, Nayereh 1996. «Soviet in Public, Azeri in Private: Gender, Islam, Nationality in Soviet and Post-Soviet Azerbaijan.» *Women's Studies International Forum*, 19:1-2:111-123.
8. Swietochowski, Tadeusz 1995. *Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition*. New York: Columbia University Press, p. 127. См. также: Brzezinski, Zbigniew 1956. *The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism*. Cambridge: Harvard University Press, p. 189.
9. В качестве альтернативы, при рассмотрении Грузии Стивен Джонс доказывал, что советская система цементировала связи с прошлым, во-первых, путем приватизации воспоминаний, а во-вторых, путем поддержки национальных языков, публикаций и культур. Это верно, и тем не менее я все же доказываю, что требование формирования “советского человека” и воздействие различных политических решений или действий ради достижения советским режимом этой цели, а также партия вместе с ее местным воздействием на домашнее хозяйство и семьи, были одними из уничтожителей прошлого и создателями сети разорванных связей с более ранними способами управления социальной жизнью. См.: Jones, Stephen 1994. «Old Ghosts and New Chains: Ethnicity and Memory in Georgian Republic.» In Rubie S. Watson ed. *Memory, History, and Opposition Under State Socialism*. New Mexico: School of American Research Press, pp. 149-165.
10. Термин воображаемые сообщества заимствован у Бенедикта Андерсона. Его использование является более специфичным при обсуждении появления национальных сообществ и национализма. См.: Anderson, Benedict O. 1991. *Imagined Communities: Reflection on the Origins and Spread of Nationalism*. London: Verso.
11. Об интересной дискуссии о роли памяти в условиях государственного социализма см: Watson, Rubie S. ed. 1994. *Memory, History, and Opposition Under State Socialism*. New Mexico: School of American Research Press, pp. 1-20.

12. О памяти и различии между частной и коллективной памятью см.: Halbwachs, Maurice 19.. Chicago: University of Chicago Press, pp.; Gillis, John R. 1994. «Memory and Identity: The History of a Relationship.» In John R. Gillis ed. *Commemorations: The Politics of National Identity*. Princeton: Princeton University Press, pp. 3-26; Connerton, Paul 1989. *How Societies Remember*. New York: Cambridge University Press, 1-105.
13. О таких прошлых советских решениях, как коренизация см.: Swietochowski, Tadeusz 1995. *Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition*. New York: Columbia University Press, p. 110-111.
14. О переговорах, связанных с идентичностью см.: Eriksen, Thomas H. 1993. *Ethnicity & Nationalism, Anthropological Perspectives*. London: Pluto Press, pp. ...
15. Barth, Fredrik ed. 1969. *Ethnic Groups and Boundaries, The Social Organization of Culture Differences*. Boston: Little Brown.
16. Tambiah, Stanley J. 1989. «Ethnic Conflict in the World Today.» *American Ethnologist*. 16:2:335-349.
17. Tohidi, Nayereh 1996. «Soviet in Public, Azeri in Private: Gender, Islam, Nationality in Soviet and Post-Soviet Azerbaijan.» *Women's Studies International Forum*, 19:1-2:116.
18. Kechichian, Joseph A. and Karasik, Theodore W. 1995. «The Crisis in Azerbaijan: How Clans Influence the Politics of an Emerging Republic.» *Middle East Policy* 4:1-2:57-62.
19. Swietochowski, Tadeusz 1994. «Azerbaijan's Triangular Relationship: The Land Between Russia, Turkey and Iran.» Banuazizi, Ali and Myron Weiner eds. *The New Geopolitics of Central Asia and its Borderlands*. Bloomington: Indiana University Press, pp. 118-135.
20. Поэмы Низами Ганджави “Лейли и Маджнун”, “Хосров и Ширин” являются мастерскими частицами персидской поэзии.
21. Для изучения истории иранского Азербайджана см.: Atabaki, Touraj 1993. *Azerbaijan: Ethnicity and autonomy in Twentieth Century Iran*. London: British Academic Press and I. B. Tauris and Co.
22. О политике использования литературного языка и изменения алфавита см.: Swietochowski, Tadeusz 1991. «The Politics of a Literary Language and the Rise of national Identity in Russian Azerbaijan Before 1920.» *Ethnic and Racial Studies* 14:1:55-63.
23. Edwards, John 19xx. *Language and Identity*.
24. Khazanov, Anatoli 1995. *After the USSR: Ethnicity, Nationalism and Politics in the Commonwealth of Independent States*. Madison: University of Wisconsin Press, p. 12.
25. О лингвистической сложности Кавказа см.: Catford, J. C. 1977. «Mountain of Tongues: The Language of the Caucasus.» *Annual Review of Anthropology* 6:283-314. Geiger, B., T. Halasi-Kun, A. N. Kuipers, and K. H. Menges 1959. *Peoples and Languages of the Caucasus*. Janua Linguarum Series Minor 6. `S-Gravenhage: Mouton. Gammkrelidze, T. V. and T. E. Gudava 1974. «Caucasian Languages» *Encyclopedia Britannica* pp. 1011-1015.
26. Бывший Советский Союз имел пятое в мире крупнейшее по численности мусульманское население, более 55 миллионов, при около 500,000 человек только в Москве. Сегодня в Азербайджане 87 процентов населения (всего 7.6 миллионов) является мусульманским, а около 70 процентов азербайджанцев-мусульман является шиитами. До Октябрьской революции здесь было 2000 мечетей и 786 школ Корана, а к 1928 году осталось 969 шиитских и 400 сунитских мечетей. Число мечетей в середине 1980-х годов, работавших под контролем Мусульманского Духовного Совета Закавказья с центром в Баку, было - 14 шиитских и 2 сунитских на весь Азербайджан, и лишь две в Баку. О религиозном положении кавказских мусульман см.: Bennigsen, Alexandre and S. Enders Wimbush 1986. Muslims of the Soviet Empire: A Guide. Bloomington: Indiana University Press, pp. 127-222. Anderson, Barbara A. and Brian D. Silver 1990. «Growth and Diversity of the Population of the Soviet Union.» *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*. No. 510 pp. 155-177. See also: Federal Research Division, Library of Congress, ed. Glenn E. Curtis 1995. *Armenia, Azerbaijan and Georgia, Country Studies*. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, pp. 81-148.
27. Safizadeh, Mina «Islam and Religious Syncretism in Post-Soviet Azerbaijan. Paper prepared for the 30th Annual Meeting of Middle East Studies Association of North America, Providence, RI, November 21-24, 1996.
28. Swietochowski, Tadeusz 1989. «Islam and the Growth of National Identity in Soviet Azerbaijan.» Kappeler, Andreas, Gerhard Simon, Georg Brunner eds. Muslim Communities Reemerge: historical Perspective on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia. Durham: Duke University Press, pp. 46-60.
29. Tohidi, Nayereh 1996. «Soviet in Public, Azeri in Private: Gender, Islam, Nationality in Soviet and Post-Soviet Azerbaijan.» *Women's Studies International Forum*, 19:1-2:111-123. Dragadze, Tamara 1994. «Islam in Azerbaijan: The Position of Women.» El-Sol, Camillia and Judy Mabro eds. *Muslim Women's Choices: Religious Belief and Social Reality*. Providence, RI: Berg Publishers, pp. 152-163.

30. Safizadeh, Mina «Islam and Religious Syncretism in Post-Soviet Azerbaijan. Paper prepared for the 30th Annual Meeting of Middle East Studies Association of North America, Providence, RI, November 21-24, 1996.
31. Swietochowski, Tadeusz 1995. *Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition*. New York: Columbia University Press, p. 26.
32. Khazanov, Anatoli 1995. *After the USSR: Ethnicity, Nationalism and Politics in the Commonwealth of Independent States*. Madison: University of Wisconsin Press, p. 4.
33. Atkins, Murial 1980. *Russia and Iran, 1780-1828*. Minneapolis: University of Minnesota Press, p. 73.
34. Об интересной дискуссии о проектах местных интеллектуалов по “отуземиванию” марксизма, и о поддержке различных национально-культурных тематик см.: Verdery, Katherine 1991a. *National Ideology Under Socialism: Identity and Cultural Politics in Ceausescu’s Romania*. Berkeley: University of California Press, pp. 72-134.

 [Предыдущая страница](#)

[Следующая статья](#)